И.А. САВКИН

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 135

Савкин И. А.

С 135 Личное дело / И. А. Савкин. – СПб.: Алетейя, 2025. – 404 с., ил.

ISBN 978-5-00267-070-3

Книга посвящена вековому юбилею Русского Евразийства, влиятельному идейному (и не только идейному) движению в русской эмиграции 20-х – нач. 30-х годов XX века, имевшему многочисленные филиалы и своих представителей во многих странах Европы, в Великобритании и Северной Америке.

По роду профессиональных занятий составитель этой книги разрабатывал тему Евразийства в течение ряда лет на кафедре истории русской философии философского факультета СПбГУ. В том числе в годы написания кандидатской диссертации «Лев Карсавин и Русское Евразийство». Были исследованы эмигрантские фонды в Петербурге, Москве, Таллине, Риге, Вильнюсе, Варшаве, Париже, Берлине, в том числе архивы семьи Льва Карсавина. Осуществлены несколько важных публикаций, проведены международные Карсавинские чтения в Вильнюсе, Петербурге, Дижоне. Участвовал в качестве научного консультанта в съемках двухсерийного документального фильма «Любовь и смерть Льва Карсавина» (сценарий – Сергей Хоружий). Собственно издательство «Алетейя» имело изначально своей целью публикацию и распространение произведений русских мыслителей Серебряного века, прежде всего Льва Платоновича Карсавина. Со временем ориентиры сместились, вобрав в себя несколько десятков книжных серий, таких как «Византийская библиотека», «Русское зарубежье» и многие другие. Поэтому в книгу вошли написанные автором этих строк предисловия к книгам, выпущенным издательством «Алетейя» примерно за 30 лет, конечно далеко не все.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00267-070-3

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© И. А. Савкин, 2025
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2025

СОДЕРЖАНИЕ

И. А. Савкин. ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ МОЛЧАНИЯ ЛЬВА 5

В. Ткаченко-Гильдебрандт. ПЛАТОНОВЫ БРАТЬЯ. Вступительное слово 8

И. А. Савкин. НА СТОРОНЕ ПЛАТОНА КАРСАВИН И ПЛАТОНОВ, ИЛИ ОБ ОДНОЙ НЕ-ВСТРЕЧЕ 12

А. Платонов. КНИЖНАЯ ПОЛКА. Л. КАРСАВИН. «NOSTES PETROPOLITANAE». ПЕТЕРБУРГ 24

И. А. Савкин. ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ: ПРОБЛЕМА НОВОГО ОБРАЗА ИСТОРИИ В ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА . . 27

И. А. Савкин. ДЕЛО О ВОСКРЕСЕНИИ 39

Г. Й. Мажейкис. ИСТИНА КАК ЛЮБОВНОЕ СОТВОРЧЕСТВО 56

Л. П. Карсавин. РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ 63

Л. П. Карсавин. ГОСУДАРСТВО И КРИЗИС ДЕМОКРАТИИ 86

Л. П. Карсавин. ЕВРОПА И РОССИЯ (Наброски евразийской идеологии) 116

Л. П. Карсавин. РАЗГОВОР С ПОЗИТИВИСТОМ И СКЕПТИКОМ 146

И. А. Савкин. НЕИЗВЕСТНЫЙ КАРСАВИН 155

Н. П. Полторацкий. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ 163

А. В. Карташев. ЛЕВ ПЛАТОНОВИЧ КАРСАВИН (1882–1952 г.) 194

А. В. Карташев. ЦЕРКОВЬ В ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОМ ИСПОЛНЕНИИ 202

М. Хагемейстер. ЕВРОПЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ 216

В. Н. Ильин. ЕВРАЗИЙСТВО 241

И. Савкин, В. В. Козловский. ЕВРАЗИЙСКОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ 266
Лев Гумилев. «СКАЖУ ВАМ ПО СЕКРЕТУ, ЧТО ЕСЛИ РОССИЯ БУДЕТ СПАСЕНА, ТО ТОЛЬКО КАК ЕВРАЗИЙСКАЯ ДЕРЖАВА...» 312
Г. Литаврин, И. Чичуров, И. Савкин. БЕСЕДА ЮБИЛЯРА И РЕДАКТОРА С ИЗДАТЕЛЕМ 320
И. Савкин. ГЛЯДЯ В ЗЕРКАЛО 353
И. Савкин. АЛЕКСЕЙ БУКАЛОВ. ПОСОЛ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ 356
И. Савкин. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГОЛОГРАФИЯ. 364
И. Савкин. ТРОЙНАЯ ФОРМУЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ 367
И. Савкин. ЛИЧНЫЙ КОСМОС СЕМЬИ РУБИСОВЫХ. 370
И. Савкин. ТОЧКА ОТСЧЕТА. 383
И. Савкин. ДВЕ МОНЕТЫ ПАРОМЩИКУ ХАРОНУ. 386
И. Савкин. КУРОРТНЫЙ РОМАН 389
И. Савкин. «СОБСТВЕННОСТЬ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ ЕСТЬ НАЧАЛО ДУХОВНОЕ» 394

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ МОЛЧАНИЯ ЛЬВА

– Какими иностранными языками владеете?
– Латынь, древнегреческий, французский...
– Достаточно.
Вы признаете себя латинским и древнегреческим шпионом?...

Из протокола допроса Л. П. Карсавина следователем МГБ в Вильнюсе

Возможно догадливый следователь МГБ был в чем-то прав. Высокое право быть в середине XX века древнегреческим шпионом еще надо заслужить. Настоящий историк всегда шпион: шпион прошлого, разведчик будущего. Русское евразийство, одним из идейных руководителей которого был Карсавин в Париже сравнительно короткий период во второй половине 1920-х годов, получило второе дыхание во второй половине XX века в лице другого «евразийского» Льва, Льва Николаевича Гумилёва. Бурный ренессанс через сто лет в 2025 году переживает евразийская тема «поворота на Восток» и формирование глобальной цивилизации «Большого Юга».

Я двадцать лет вынашивал идею издания книги с названием «Избранные места из молчания Льва». Допускаю, что возможно название для книги дурацкое и претенциозное, но мне оно очень нравилось. Как я уже написал выше, в русском Евразийстве было два Льва: Лев Карсавин ознаменовал собой пик успешной идейной работы Русского Евразийства, Лев Гумилев – преемник и продолжатель традиций Русского Евразийства. Учитывая сложные и драматичные обстоятельства их жизни и творчества, допускаю что многое так и не было опубликовано или высказано публично, поэтому стоит прислушаться к «молчанию Льва», к шуршанию архивных страниц, приготовиться к встрече с неожиданными открытиями[1].

Похоже, я уже никогда не напишу собственную книгу про Льва Карсавина и Русское Евразийство. Инетересы мои заметно сместились, я уже 33 года руковожу одним из лучших интеллектуальных

[1] Таким неожиданным открытием стали записанные анонимным лицом лекции Льва Гумилева, прочитанные им в Новосибирске в Доме ученых в ноябре-декабре 1976 г.

издательств страны, мне уже 65 лет и пора подводить промежуточные итоги.

В предлагаемую вниманию читателя книгу я попытался свести вместе публикации, посвященные Льву Карсавину и Русскому Евразийству, как личные, так и совместные с моими коллегами, которым я очень благодарен за помощь и консультации: Гинтаутас Мажейкис, Владимир Козловский, Александр Ермичев, Сергей Хоружий. Особо ценной была помощь Владимира Шаронова и Александра Клементьева.

За пределами книги остались история романтических отношений Л.П. Карсавина с Еленой Чеславовной Скржинской (1894–1981), а также весьма интересная частная переписка жены Л.П. Карсавина Лидии Николаевны Кузнецовой (1881–1961), которая воспитывалась в семье И.Е. Репина и продолжала поддерживать отношения с младшей внучкой великого художника. Эта переписка опубликована в «Трудах отдела рукописей Пушкинского Дома» и отдельно с большим набором редких фотографий и иллюстраций в журнале «Наше наследие».

На обложке книги, которую держит в руках читатель, ее автор с портретом Л.П. Карсавина. Портрет был написан художницей Натальей Дубровской специально в очень короткий срок для Вторых Международных Карсавинских чтений, проходивших в Петербурге в декабре 1997 г. совместно с Религиозно-философским институтом (ректор К.К. Иванов) в Чернорецком переулке.

Название книги «Личное дело» я отношу прежде всего ко множеству пронумерованных «Личных дел» Льва Карсавина, начиная с 1922 г., а также Василия Сеземана, многих других лиц из их окружения. Когда-нибудь я расскажу как удалось сохранить последнее «Личное дело», заведенное на Карсавина в МГБ Литовской ССР, именно это дело затем неоднократно показывали в документальном фильме «Любовь и смерть Льва Карсавина».

В процессе работы в архивах Вильнюса мне удалось познакомиться с наследием и наследниками друзей Л.П. Карсавина и опубликовать часть их письменного наследия. Антанас Мацейна, декан философского факультета, коллега Карсавина по Вильнюсскому университету, многим содействовал своему русскому другу, и издательство «Алетейя» опубликовало четыре главные его книги в переводе Татьяны Корнеевой-Мацейнене. В семье профессора

Василия Сеземана сохранились уникальные тексты одного из собеседников Карсавина – Бидия Дандаровича Дандарона, две книги Дандарона также были опубликованы в издательстве «Алетейя»[1].

Книга посвящена вековому юбилею Русского Евразийства, влиятельному идейному (и не только идейному) движению в русской эмиграции 20-х – нач. 30-х годов XX века, имевшему многочисленные филиалы и своих представителей во многих странах Европы, Великобритании и Северной Америке.

По роду профессиональных занятий составитель этой книги разрабатывал тему Евразийства в течение ряда лет на кафедре истории русской философии философского факультета СПБГУ. В том числе в годы написания кандидатской диссертации «Лев Карсавин и Русское Евразийство». Были исследованы эмигрантские фонды в Петербурге, Москве, Таллине, Риге, Вильнюсе, Варшаве, Париже, Берлине, в том числе архивы семьи Льва Карсавина. Осуществлены несколько важных публикаций, проведены международные Карсавинские чтения в Вильнюсе, Петербурге, Дижоне. Участвовал в качестве научного консультанта в сьемках двухсерийного документального фильма «Любовь и смерть Льва Карсавина» (сценарий – Сергей Хоружий). Собственно издательство «Алетейя» имело изначально своей целью публикацию и распространение произведений русских мыслителей Серебряного века, прежде всего Льва Платоновича Карсавина. Со временем ориентиры сместились, вобрав в себя несколько десятков книжных серий, таких как «Византийская библиотека», «Русское зарубежье» и многие другие. Поэтому в книгу вошли написанные автором этих строк предисловия к книгам, выпущенным издательством «Алетейя» примерно за 30 лет, конечно далеко не все.

В моих научных поисках и моей повседневной работе издателя мне помогали и продолжают помогать многие люди доброй воли, о которых я часто вспоминаю с признательностью и любовью.

И.А. САВКИН,
главный редактор
издательства «Алетейя»
24.10.2025

---

[1] *Дандарон Б.* 99 писем о буддизме и любви (1956-1959) (СПб.: Алетейя, 1997), Чёрная тетрадь: О четырёх благородных истинах Будды. (СПб.: Алетейя, 1995).

ПЛАТОНОВЫ БРАТЬЯ

Вступительное слово

Что в имени тебе моем? […]
А. С. Пушкин, 1830

В наше время многие люди интеллектуального труда перестали развиваться, перестав удивляться, ведь удивление, вслед за Аристотелем, величайший философ XX столетия Мартин Хайдеггер считал первой ступенью на пути истинного познания. Разумеется, речь идет не об увлекательной канве остросюжетного произведения (многие детективы, опубликованные или сериалами показываемые по телевидению, вообще не имеют никакого отношения ни к жизни, ни к оперативной и следственной работе).

Книга, автором и составителем которой является философ, ныне здравствующий замечательный российский издатель Игорь Савкин именно про жизнь и о жизни. Ибо в ее хаотическом материале, кроются великолепные подробности отношений, имевших место или не состоявшихся, но которые могут произойти уже в горнем мире, невзирая, на первый взгляд, на утопичность только что сказанного. Для автора этих строк имя не есть нечто вспомогательное и случайное, зависящее от желания родителей и рекомендации священнослужителя, а есть высшая реальность, уже с начала наречения созидающая свою матрицу, если угодно, мыслеформу в человеке, отчасти созидающую его будущее и непрестанно влияющую на его сознание, психологию, чувства и образ действия.

О значении именования, важности имени мы отсылаем к работе Павла Флоренского «Имена»[1], навеянной впечатлением от прочтения выдающимся русским православным философом и математиком монографии французского мистика и эзотерика первой трети XIX столетия Антуана Фабра д'Оливе «Вновь восстановленный

[1] *Флоренский П.* «Имена». Множество изданий, например, М.. 2011. См. также А.Ф. Лосев «Имя». Множество изданий, например, М., 2011.

древнееврейский язык». Однако, если Павел Флоренский уделяет все же большее внимание личным именам, то Игорь Савкин делает упор на следующем уровне – отчествах. Откровенно говоря, это очень удивило (безусловно, в хайдеггеровском смысле) пишущего эти строки, став без преувеличения открытием для него. Отсюда понятно, почему автор сближает выдающегося русского философа Льва Платоновича Карсавина и выдающегося русского писателя Андрея Платоновича Платонова (Климентова).

Читая эссе, посвященное двум Платоновичам, становится понятно, что идеологические разногласия обоих отходят на второй план, играя роль наносного и произвольного, но остается их основание – отсылающее к имени великого греческого античного философа Платона, грандиозно повлиявшего, наряду с Аристотелем, на будущую христианскую теологию и вообще цивилизацию, в которой мы до сих пор пребываем. Не страшась марксистского обвинения в формализме, хотелось бы провести нить дальше – к русскому монашескому движению имяславцев на Афоне, утверждавших, что Господь Бог и есть имя. Разумеется, Бог это – имя, но в то же время Он выше, глубже и шире самого своего имени. Впрочем, в формализме обвинялся и Андрей Платонов за свой «первобытный», «нескладный» и «самодельный» язык (на самом деле философско-платонический, параллелью которому служит немецкий язык Мартина Хайдеггера среднего периода), особенно проявившийся в повестях «Ювенильное море», «Котлован» и романе «Чевенгур».

На платонический «экзистенциализм» языка Платонова обратил внимание Иосиф Бродский, поставив его в один ряд с такими классиками мировой литературы, как Джеймс Джойс, Роберт Музиль и Франц Кафка. В своем небольшом, но в высшей степени талантливом и читающемся на одном дыхании эссе Игорь Савкин окончательно срывает красный троцкистско-ленинский кумач с личности Андрея Платоновича Платонова, и остается то, что его объединяет на метафизическом уровне с Львом Платоновичем Карсавиным – подлинная бытийность, отображенная в творчестве двух русских мастеров литературы и философии, или, по выражению Мартина Хайдеггера из «Бытия и времени» – «белый цвет славянского эпоса», изумление которым, вероятно, и сподвигло стать

философом и покинуть факультет систематической теологии Фрайбургского университета Мартина Хайдеггера.

Отсюда несложно представить, как в просвете хайдеггеровского пра-бытия, на краю океана мыслящей экзистенциальной вселенной (на что намекал Сократ перед казнью), откуда еще суждено прийти последнему Богу, окончательно примиряются и беседуют между собой Платоновы дети – Андрей Платонович и Лев Платонович – в кругу других философов и самого Платона, а также платоников и неоплатоников. Ну и насчет казни: оба Платоновича ей подверглись одинаково, пусть и в различной форме – философ умер в июле 1952 года в лагере, ж/д станция Абезь в Коми АССР, тогда как писатель на полтора года раньше в январе 1951 года, практически лишенный средств к существованию и затравленной советской придворной критикой.

Осталось их наследие и неоценимый вклад в отечественную философию и словесность. И заслуга моего друга и моего издателя Игоря Савкина в том, что он, вероятно, сам того не заметив, сделал возможным этот диалог Платоновичей где-то там, за гранью видимой ойкумены. Все это зависит от умения проявлять ассоциативные связи, что Мартин Хайдеггер считал большим философским искусством.

Большой пласт содержания книги Игоря Савкина посвящен истории русской философии, в том числе такого важного, значительного и выразительного явления как русское евразийство: полагаем, что читатель по достоинству оценит неизвестные страницы истории евразийской философии, впервые собранные и опубликованные в солидном издании, – все это ценно, необходимо и крайне уместно. По роду своих профессиональных занятий Игорь Савкин хорошо изу4чил историю русской интеллектуальной и литературной эмиграции, работая в московских и зарубежных архивах. Подготовленные им публикации о русском евразийстве и Льве Карсавине в массовых высокотиражных изданиях «Новый мир», «Наше наследие» и др. – стали едва ли не самым первым знакомством читателей с данной тематикой.

Поистине неоценима заслуга автора в раскрытой яркой подробности одноименных отчеств двух выдающихся русских деяте-

лях и не в последнюю очередь, благодаря этому проявленной глубокой сопряженности их произведений. Все философы европейской и русской традиций, придерживающиеся независимого развития философской науки, являются Платоновыми братьями. Последнее остро ощущал Иван Бунин, когда написал свое стихотворение «Слово» (в смысле философского платоновского λόγος – так его понимал и Хайдеггер) от 1915 года: «Молчат гробницы, мумии и кости, — || Лишь слову жизнь дана: || Из древней тьмы, на мировом погосте, || Звучат лишь Письмена». И нам хотелось бы перефразировать последнюю строчку первой строфы в духе нашей статьи и русского имяславие в широком, а отнюдь не сектантском смысле: звучат лишь имена, звучат лишь имена…

Владимир ТКАЧЕНКО-ГИЛЬДЕБРАНДТ,
GOTJ KCTJ OSMTH,
военный историк, переводчик
28 августа

И. А. Савкин

НА СТОРОНЕ ПЛАТОНА КАРСАВИН И ПЛАТОНОВ, ИЛИ ОБ ОДНОЙ НЕ-ВСТРЕЧЕ

«Но может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов/Российская земля рождать…» – сказалось поэту; поверим же на слово великому Ломоносову (пусть даже с оговорками – «может, но…») и повторим за ним в простоте свой зачин: жили-были на Земле Российской в некие сумеречные времена Платоновы потомки – Андрей Платонович, да Лев Платонович. Они не братья друг другу, но – наследники славного и странного имени великого мыслителя и неудачливого реформатора, первого утописта и первого христианина[1] «божественного Платона». Считается, что мудрость была ему дарована богами, а историческое имя дано ему борцом Аристоном за широту плеч[2]. Как не похожи между собой герои нашего сюжета – как будущее не похоже на настоящее, наследующее, в свою очередь, прошлому. Что может быть общего у них? Кроме общности сохраненного и унаследованного имени – необоримая страсть к письму и общность вероисповедания (исповедания любви как Бога), на путях которого они фатально разошлись. Их «не-встреча» была предопределена; слишком контрастны и определенны различия их происхождения, образования, занятий, убеждений. Они жили в параллельных культурных мирах, а параллели не пересекаются, по крайней мере – в нашем мире.

---

[1] Христианские теологи, пытаясь примирить языческую мудрость с Христовой верой, придумали для этого случая специальную формулу – Платон и Аристотель были объявлены «христианами до Христа».

[2] Греч. platos – ширина, platoō – делаю широким. Родителями был назван в честь деда Аристоклом. Происходил из древнего рода кодридов (Кодр – последний афинский царь), восходящего к Солону, к легендарным аргонавтам и, по преданию, к богу Посейдону («земледержец», «супруг земли», «владыка вод»). Родился в день празднования рождения бога Аполлона.

* * *

Читатель, конечно, уже узнал в Андрее Платоновиче Климентове (Платонове) знаменитого писателя. Его визави – Л. П. Карсавин, профессор и ректор Петроградского университета, известный историк-медиевист, религиозный мыслитель (редчайших случай – за свою докторскую диссертацию кроме ученой степени, присужденной Императорским университетом, он получил еще и докторскую степень от Петроградской Духовной академии). Одновременно, уже в советское время, Карсавин преподавал в Богословском институте, читал публичные лекции в Философском Обществе (например, 12 июня 1921 г.– на тему «О свободе воли»), имевшие большой успех, был одним из активных членов Дома литераторов, участвовал в его изданиях[1] и множестве других независимых изданий, водил знакомство с крупнейшими поэтами Серебряного века[2], посещал известные литературные салоны. Будучи избранным на высшие административные должности в Государственном университете, Карсавин стремился отстаивать права и свободы, органически присущие особому укладу университетской жизни, преимущественно легальным путем, избегая политизации неизбежных конфликтов с новой властью. Для последней, однако, было заведомо недостаточно простой лояльности, власть безошибочно «учуяла» классово чуждый дух, «белую кость»[3], томилась подозрениями и ждала удобного случая для расправы.

Другими словами, Карсавин не был убежденным врагом Советской власти, относился к совершившемуся перевороту с профессиональным интересом, описав логику исторического процесса в своей

---

[1] «Летописи Дома литераторов» и «Литературные записки». – См.: *Акимов В. М.* Великие и трудные судьбы. Л., 1990. С. 40.

[2] Книги с их автографами Лев Карсавин дарил своей возлюбленной, Елене Чеславовне Скржинской, они сохранились в семейной библиотеке.

[3] Отец, Платон Карсавин, танцовщик Императорских театров, происходил из купеческо-мещанской среды, из государственных крестьян, выбившихся в люди. Матушка, урожденная Хомякова, состояла в прямом родстве с Алексеем Хомяковым, славянофилом и великим православным мыслителем (уже в эмиграции, в Париже, Карсавин переиздаст труды Хомякова о Церкви, снабдив их своими комментариями). Семейные предания возводят одну из ветвей старинного дворянского рода Хомяковых к византийской династии Палеологов.

знаменитой «Феноменологии революции»[1], ни в каких заговорах, повторяем, не участвовал, а так называемой «политики» сторонился со студенческих лет. В то же время он не мог не протестовать против разрушения основ отечественной культуры, не мог не заступаться за репрессированных сотрудников, не мог не высказывать публично и открыто взгляды, не совместимые с господствующей официальной идеологией[2]. В силу своей близости к кругу «кадетски» мыслящих профессоров[3], наконец, как человек самостоятельный в мыслях и поступках, к тому же, несомненно, обладавший даром влиять на умы и сердца людей и немалым личным обаянием, Карсавин должен был восприниматься и воспринимался как один из лидеров оппозиции существующему режиму, как нежелательное лицо[4].

Конечно, это всего лишь нелепое совпадение: 9 августа 1922 г. Воронежская губернская газета «Коммуна» напечатала «уничтожающую» рецензию А. Платонова на книгу Л. Карсавина «Петербургские ночи» («Noctes Petropolitanae»). А уже 18 августа Карсавина арестовали. В Петроградской «чрезвычайке», предварительно допросив, ему объявили постановление ГПУ: он обвинялся «в том, что с момента Октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России Рабоче-Крестьянской Властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в моменты внешних затруднений в РСФСР свою контрреволюционную деятельность усиливал, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 57-й УК РСФСР»[5].

---

[1] См.: Евразийский временник. Книга первая. Париж, 1927. Переиздана в 1992 г. в Твери в сб. «Лев Карсавин. Евразийство. Мысли о России. Ч. I, II».

[2] Более того, Карсавин активно участвовал в создании православного Братства Святой Софии, впоследствии разгромленного чекистами.

[3] Со многими из них Карсавин был дружен: это его учитель, проф. И. М. Гревс, это В. И. Вернадский, книги которого с дружескими автографами сохранились в домашней библиотеке Карсавина, это философ С. Л. Франк.

[4] Именно в качестве одного из лидеров оппозиционно настроенной интеллигенции Л. Карсавин проходит по сфабрикованному ГПУ делу религиозного кружка Мейера. См.: *Савкин И.* Дело о воскресении // М. М. Бахтин и философская культура XX века. СПб., 1991. Ч. II.

[5] Аналогичное обвинение было предъявлено, как вспоминает проф. Н. О. Лосский, «всем арестованным 16 августа интеллигентам, обвинение, сущ-

А. Платонов здесь, понятно, ни при чем; его «разносная» рецензия не содержит признаков политического доноса. Не он писал донос в органы, но случайно он оказался крайним в цепи нападавших, последним присоединившись к кампании разнузданной травли ученого, о которой Платонов мог и не знать. Классовый гнев и личное негодование, переполнявшие юного автора сердитой рецензии, вполне естественны для него. С большой долей вероятности можно предположить, что, даже узнав об аресте и высылке на чужбину автора «Ночей», Платонов сказал бы, что поделом, так и должно быть. Платонов всегда искренен, и если он говорит – «наши противники, буржуазная интеллигенция, люди, белые духом…» или «ничего нет гаже, безумнее и ненавистнее для нас, как понятие духовности, высшей интеллектуальной одаренности»[1], – значит, так оно и есть, значит, Карсавин для него враг. Это естественно, ведь ненависть есть душа революции, говорил Платонов, тогда как сама революция есть «явление жажды жизни человека», «явление его любви к ней» (С. 85). И потому искусственно «замирять» его задним числом с Карсавиным, Игорем Северяниным или еще с каким «белым духом» – занятие жалкое и неплодотворное.

В равной степени бессмысленно упорствовать здесь и в вопросе о том, на чьей стороне был «природный» большевик Андрей Платонов и за кого был профессор Лев Платонович Карсавин, заподозренный властями в либеральных мыслях. Рискну предположить, что они оба были на стороне Платона: там и состоялась их встреча, или даже встречи. И эти, с позволения сказать, встречи на стороне, эти маргинальные контакты не менее интересны для исследователя, чем ситуации классические и более изученные. В конце концов внимание к этим периферийным «касаниям» оправдано уже тем, что, как полагал Михаил Бахтин, культура вся находится на своих границах.

ность которого: такой-то до сих пор не соглашается с идеологиею власти РСФСР и во время внешних затруднений усиливал свою контрреволюционную деятельность. Прочитав обвинение, я побледнел, понимая, что это грозит расстрелом…» (*Лосский Я. О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь // Философ. науки. 1991. № 4. С. 126).

[1] *Платонов А.* Чутье правды. М., 1990. С. 85, 166. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

Мы можем выстроить несостоявшийся, «неслышный диалог» двух наших героев, их мыслимые встречи в платоновском «умном месте». О чем их разговор? Любовь, Смерть, Память – каждый, хотя и на свой лад, воспроизводит ключевые мифологемы Платона.

Однако перейдем к свидетельствам состоявшейся «не-встречи». Оговоримся, что речь не идет о зависимости от умопостроений Платона в виде заимствований подражания, ссылок на авторитет и т. п.

Но именно Карсавин вместе с С. А. Жебелевым и Э. Л. Радловым и издательством «Academia» впервые предпринял издание «всего» Платона («Полное собрание творений Платона в 15 томах, новый перевод…»; издание завершено не было). Но именно Карсавин отстаивал мнение, что Платон является ключевой фигурой в духовном развитии Европы, ибо «Платон не меньше предвозвещает христианство, чем Моисей»[1]. Что касается А. Платонова, то, конечно, его отчество еще не доказывает его «эллинского» происхождения. И хотя выбор имени акт очень ответственный и важный своими последствиями (вспомним в этой связи труд А. Лосева «Философия имени», 1927), его Платон – это прежде всего потомственный мастеровой, «герой труда». И все же: насколько это противоречит нашему тезису?

И эллинский мудрец, и юноша Платонов – «мы откровенные язычники» (165). Оба сурово порицают чувственную любовь (на юного Платонова сильнейшее влияние оказал «московский Сократ», Николай Федоров, и его проект бесполого «лучистого» человечества) и оба – эротики, каких еще не бывало[2]. И так же, как для

---

[1] *Карсавин Л. П.* О началах: (Опыт христианской метафизики). Берлин, 1925. С. 35.

[2] Эротический диалог Платона «Пир» был впервые издан в переводе С. А. Жебелева в пятом томе «Полного собрания творений Платона», под редакцией Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова и упомянутого Жебелева (Петербург, 1922). То, что этот диалог не был случайным явлением в творчестве Платона, прекрасно показывает Фридрих Ницше: «С невинностью, для которой нужно быть греком, а не “христианином”, он говорит, что не было бы вовсе никакой платоновской философии, если бы в Афинах не было таких прекрасных юношей: их вид только и погружает душу философа в эротическое опьянение и не дает ей покоя, пока она не бросит семя всего великого в такую прекрасную почву (…) Что выросло под конец

царственного Платона, для пролетария Платонова искусство – это по меньшей мере «вселенская скульптура, планетарная архитектура»[1], это занятие, посильное лишь всемогущему Демиургу. Это существо, впрочем, можно назвать и Богом: «Мы нашли того Бога, ради которого будет жить коммунистическое человечество. Только этого "бога" будут не любить, а ненавидеть, и такой страшной ненавистью, что родится смысл жизни всех» (87). Это уходящий образ. «Человек долго шел к этому своему дальнему образу – и теперь дошел. Он сам теперь Бог…» (85) А посему, познай самого себя и заодно ту трепетную силу, творящую вселенные, которую «чувство назвало бы именем блага и наслаждения», а «мысль назвала бы эту силу истиной». Но мысль еще не слилась с душою мира, а только ищет этого слияния в познании мира.

Воспроизведем полностью этот фрагмент из статьи А. Платонова «Свет и социализм»: «Социализм придет не ранее (а немного позднее) внедрения света, как двигателя, в производство. И только тогда из светового производства вырастет социалистическое искусство – это вселенская скульптура, планетарная архитектура, и только тогда совершится совокупление человечества в одно физическое существо, а искусство, как его теперь понимают, будет не нужно, потому что искусство – это корректив революционной материи в реакционном сознании, а при коммунизме материя и сознание будет одно» (С. 179).

Начиная с небольшой заметки о книге Л. Дрейера «Задачи и развитие электротехники» (впервые: Советский строитель. 1920. № 1. С. 79, 80), Платонов публикует цикл «электрических» статей

из этой философской эротики Платона? Новая художественная форма греческого agon, диалектика» (*Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 65).

[1] В том же 1922 году Андрей Платонов пишет собственный трактат о любви, или, скорее, «поэму о любви», где любовь истолковывается в платоновском духе, как космическая сила: «Ту трепетную силу, творящую вселенные, чувство назвало бы именем блага и наслаждения. Мысль назвала бы эту силу истиной (…) Люди хотят понять ту первичную силу, ту веселую буйную мать, из которой все течет и рождается, откуда вышла и где веселится сама эта чудесная бессмертная жизнь, откуда выросла эта маленькая веточка – религия, которая теперь засыхает, и на месте ее, на одном с ней стволе вырастает другой цветок – наука, память» (*Платонов А.* О любви // А. Платонов. Чутье правды. С. 182, 184).

(«Золотой век, сделанный из электричества», «Электрификация», «Новое Евангелие», «О культуре запряженного света и познанного электричества», «Огни Волховстроя» и др.). Открытие Волховской ГЭС воспринимается им как событие небывалой грандиозности – «это будет второе мировое событие после Октября 1917 года в истории человечества…» Естественно, что столь пылкая «любовь к электричеству» с легкостью трансформировалась в ненависть к неизвестному автору книги, начинающейся словами: «Погас, наконец, – как всегда предательски неожиданно – мертвый свет электричества» (*Карсавин Л. П.* «Noctes Petropolitanae» С. 15). Вместе с тем Платонов не порывает и с традиционной метафизикой света, одухотворяющей Солнце. Уместно напомнить, что именно «у Платона греческая философия света впервые достигает своей высшей точки»[1]. У Платонова античный синтез света и солнца дополняется экологическими мотивами. «Земля должна быть цела и девственна, а вся пышная жизнь человечества пусть идет целиком за счет Солнца»[2]. Этот мотив Платонов обыгрывает через несколько лет в «Чевенгуре».

Но вернемся к исходным образам. «Вселенская скульптура», «планетарная архитектура» отсылают к пластической образности эстетики Платона. В диалоге «Тимей» космос мыслится им в виде огромного произведения архитектурного искусства, а «свое Благо, среди прочих символических интерпретаций, Платон тоже склонен представлять в виде огромного архитектурного произведения»[3].

Познание, по Платону, столь же научно (рационально), сколь и магично, и опирается на древнейшее магическое искусство памяти, обостряющее внимание к ветхим пустякам бытия, обступающим человека в его повседневности, к этим шлакам сил, безвозвратно израсходованных на производство единственного события смерти. Прибегнув к «ars memoria», прозревают в маленькой смерти, coitus'e, локальном скоплении ненужных вещей, знамения тихого приближения Великой Утешительницы, а с ней того един-

---

[1] *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. М., 1973. Т. 3. С. 245.

[2] *Платонов А.* Борьба с пустыней // А. Платонов. Чутье правды. С. 224.

[3] *Лосев А. Ф.* История античной поэтики. Т. 3. С. 173.

ственного, ужасного, неименуемого…[1] И она же, память, дарует и спасение.

Не об этом ли писал Марсель Пруст: «Иногда, в то самое мгновение, когда все кажется нам потерянным, приходит спасительная весть». Напрашивается сопоставление с Карсавиным, написавшим, кстати сказать, специальное исследование о Прусте («Опыт всевременности у М. Пруста»; вошло отдельной главой в его оставшуюся неизданной работу, над которой он трудился в последние годы своей жизни[2]). Карсавин полагал, что наше «я» обладает стремлением и способностью к возрождению не вполне умершего своего прошлого, «к возрождению, которое, как показывает пример Пруста, иногда достигает исключительной актуальности и конкретной полноты и не имеет определенных границ». Чудесными вестницами спасения могут быть самые заурядные вещи: ложечка чая с размокшими в ней крошками бисквита, мгновенно погрузившая в блаженство, возвратившая героя в его детство в Комбре («Я перестал чувствовать себя посредственностью, случайностью, смертным…»); или неровности выложенного плитками двора, возвратившие Прусту ощущение «глубокой лазури», «свежести», «ослепительного света», однажды испытанное им в баптистерии Св. Марка в Венеции. Но оставался вопрос, почему в мгновения триумфа памяти «образы Комбре и Венеции, – говорит Пруст, – дали мне, каждый в свое время, радость, равную достоверности и без всяких других доказательств достаточную для того, чтобы сделать смерть для меня безразличной?»[3].

«Мир к золотым вернется временам. / Коль скоро помнит тех

---

[1] Ср. у Платонова: «Религия и наука – это попытки слияния мысли с миром. Но мысль – чисто человеческое свойство, и весь вопрос о так называемой истине – наш, местный вопрос. Этот вопрос и мешает нам жить, мешает воскреснуть для полной, настоящей, всесильной жизни» (182); «Ars memoria» (лат.) – искусство памяти. Об искусстве памяти см. работы Frances Yates: «Art of memory» (1966); «Giordano Bruno and Hermetic tradition» (1964); «The Theatre of the World» (1969); «Coitus» (лат.) – соединение, скопление, соитие, оплодотворение.

[2] Работа Карсавина носит название, данное работниками архива – «Штудии по религиозно-философским вопросам», она датируется приблизительно 1946–1947 гг. Глава 2 единственная среди всех имеет авторское название – «Опыт всевременности у М. Пруста». Рукопись хранится в Национальной библиотеке Литвы.

[3] Цит. по: *Карсавин Л. П.* Опыт всевременности у М. Пруста, л. 43.

времен приметы», – это строки из сонета Т. Кампанеллы, стремившегося воскресить не только воспетое Платоном действенное искусство памяти, но и жанр платоновской утопии. Связь этих явлений не случайна. Утопия – это место, где обретается «блаженство», место личного и коллективного «спасения», кто «рай на земле». Классические утопии как бы не предполагали немедленного своего осуществления; механизм их осуществления представляется их творцам очень смутно. В XX веке утопии внезапно начали сбываться, сочетая при этом чудовищную огромность своих притязаний с необыкновенной стремительностью своей триумфальной и одновременно катастрофической поступи. Поначалу они развертывались преимущественно в пространстве языка – в том смысле, что утопия долгое время оставалась обыкновенным литературным жанром. Однако уже у Платона ставится вопрос о выборе при достижении утопии предпочтительной речевой стратегии. (В идеальном государстве Платона репрессии есть средство восстановления нарушенного равновесия, средство против господства письменности как начала механического, убивающего творческую память: «Федр», 275 и сл.). В утопиях новых и новейших, наоборот, «бумага», «письменный факт», «регулярное письмо» терроризируют устную стихию речи и самую память, принуждая их к искажению естественного «чинопоследованія», к противоестественному сочинению несовместимых слоев реальности[1].

Поздние утопии принуждают к признанию насаждаемой ими фиктивной реальности за высшую и единственную. Но не случайно рай на земле, Чевенгур, располагается не где-нибудь, а посреди «адова дна коммунизма». Так и насилуемая память отвечает насилием же, но еще более изощренным[2].

---

[1] Ср.: «Бумага – тень истины» («Город Градов»), Чевенгурский большевик Пиюся больше всего «пугался канцелярий и написанных бумаг – при виде их он сразу, бывало, умолкал и, мрачно ослабевая всем телом, чувствовал могущество черной магии мысли и письменности» (Дружба народов. 1988. № 4. С. 69).

[2] Идеалу европейского сознания, декартовскому «ясному и отчетливому состоянию ума» в чевенгурской утопии соответствует «ясная голова Чепурного, обладавшего громадной, хотя и неупорядоченной памятью; он вбирал в себя жизнь кусками – в голове его, как в тихом озере, плавали обломки когда-то виденного мира и встреченных событий, но никогда в одно целое эти обломки не сцеплялись,

Текстовое пространство произведений А. Платонова рубежа 1920–1930-х гг. или, скажем, «Поэма о смерти» Л. П. Карсавина (1931) тоже отмечены чертами, свойственными утопии. Но в отличие от Платона и наследовавшей ему традиции моделью их утопического пространства является не идеальный город, но расширяющаяся, наступающая пустыня как доминирующий элемент текстового ландшафта[1]. Пустыня – это место, где рай и ад сходятся, где они наиболее близки друг другу, борются, вытесняют, постоянно перетекают друг в друга.

Так у Карсавина в «Поэме о смерти» находим следующие строки: «И опять зияет ненасытная пустота», «а цветущий рай превратил в пустыню», «и нет уже солнца. Серая пустота», «разверзается пучина адская», «там бездна, которой нет», «и словно тучи клубятся – встает, вспоминается снова», «из бездны безвидной, пустой и небытной звал меня», «из глубины ада твоего подъемлется моя свобода», «в аду все равны, и бес там уже не бес», «вносят бесы свою вдовью лепту на покупку колоколов. Весь ад принимает живейшее участие в строительстве Царства Божия»[2].

Топос пустыни уникален, это особое место, налагающее особые ограничения на совершаемое в нем или через него движение. Как таковая пустыня не пересекаема, пересекающий ее караван движет-

---

не имея для Чепурного ни связи, ни живого смысла. Он помнил плетни в Тамбовской губернии, фамилии и лица нищих, цвет артиллерийского огня на фронте, знал буквально учение Ленина, но все эти ясные воспоминания плавали в его уме стихийно и никакого полезного понятия не составляли» (там же. С. 58).

[1] Классический дискурс и стандартный тип утопического пространства предполагают при заданных параметрах возможность абсолютного контроля над процессами (в том числе – речеповедения). Пространство пустыни – иного типа, оно принципиально неоднородно, разбито на сегменты, собрано вокруг источников. Движение здесь возможно по определенным векторам (караваны переходят от одного оазиса к другому). На Карсавина сильное впечатление произвело появление в его парижской квартире индуса в яркой чалме, ученика Рабиндраната Тагора, весь день декламировавшего стихи. Содержание их со временем забылось, запомнилось, что длинные периоды чередовались рефреном: «Ты слышишь ли звон караванов?». Так и в текстах, организованных по принципу опустынивающихся ландшафтов, важно почувствовать их внутренний ритм, услышать «звон караванов».

[2] *Карсавин Л.* Поэма о смерти. Каунас, 1931. (См. совр. издание: Карсавин Л. П. Религиозно-философские произведения. М., 1991).

ся не в пустыне, а по звездам; здесь поистине «земля и небо сходятся». Топос пустыни обладает внутренней размерностью, что можно описать отрицательной характеристикой его как «не-места», как отрицание способа задания линейной метрики, когда место задано тем, что оно занято некоей вещью, и ее внешние границы очерчивают ее место. Характеристика пустыни как «не-места» позволяет отличать ее от обычной утопии как, в буквальном смысле, «места, которого нет» (u-topia).

Приближающаяся к пустыне по значению материя – «хора» (hōra) у Платона также не есть некая абстрактная пустота, но «мать-кормилица, обитель, небезразличная к тому, что в ней»[1], к тому, что она со-держит. В этом смысле пустыню можно назвать самым нижним горизонтом бытия. Похвала девственно-безгрешной красоте пустыни является, по словам Г. П. Федотова, одной из самых древних тем монашеской литературы Востока и Запада. Но «пустыня – девственная мать» есть не что иное, как христианизированный образ более древнего, хтонического начала. Есть странный парадокс в том, что хотя «солнце, месяц, звезды и зори – ближе к Богу: они приходят от божественного лица, но не к ним обращено религиозное сердце народа»[2], оно обращено не ввысь и не к миру, но внутрь и в глубину, затворяет себя в «пустынь». Однако это движение в темноту и тесноту «земли» оборачивается движением к неизреченному «Фаворскому свету». Соответственно, паломничество к святым местам, принимая форму духовного странствования, совсем не обязательно должно себя обнаруживать в зримом, пространственном движении. Некоторые современные авторы обнаруживают эту парадигму «обездвиженного движения» или вывернутого внутрь себя пространства внешнего мира, допускающего восхождение вверх через нисхождение вниз, уже в XII в., в «Хождении игумена Даниила». «Это пространство все время кривится, изгибается, то создавая вокруг себя ниши, полости самососредоточения – «пещеры», то возносясь из этих пещер вверх и трансфор-

---

[1] *Доброхотов А. Л.* Категория бытия в классической западноевропейской философии. М., 1986. С. 71.

[2] *Федотов Г. П.* Мать-земля. К религиозной космологии русского народа // Путь. 1936. № 46, январь–март. С. 10.

мируясь в «горы», как сферы особого, просветленного состояния земли и вещества»[1].

Парадигма вывернутого вглубь себя пространства внешнего мира, равно как и «бездвижного движения», когда усилием самоконцентрации, сосредоточением духовной энергии создается пространство внутреннее, обладающее особой размерностью и характеристиками, тесно связана с мифологемой «возвращения внутрь», устойчивости которой в русской духовной традиции приписывают ее роль своеобразного моста между Востоком и Западом, а также с архаической мифологемой умирающего и возрождающегося к новой славе солнца[2], с гностической идеей о светлом духе, ставшем пленником косной материи, с духом социального кенозиса, характерным в целом для христианства народных низов, с народной верой в чудесное преображение плоти силой сокрытых в материи гигантских возможностей. Однако прослеживание этих связей выходит за пределы нашего сюжета.

Возвращаясь к рецензии Платонова, давшей повод к написанию этой работы, остается добавить, что рецензия Платонова со времени своего появления в провинциальной газете нигде не воспроизводилась и знакомство с ней в ее полном объеме будет интересно как для изучающих творчество великого русского писателя Андрея Платонова, так и для интересующихся наследием отечественной философской мысли.

---

[1] *Мяло К. Г.* Космогонические образы мира: Между Западом и Востоком // Культура, человек и картина мира. М., 1987. С. 230. На неприменимость Евклидовой геометрии к анализу художественного пространства Дантова ада и рая обратил внимание о. П. Флоренский в своих «Мнимостях в геометрии» (М., 1922).

[2] Ср.: «В землю, материю, плоть, погружается солнце, дабы стать светом, чтобы вернуться не только возрожденным, но наделенным также способностью возрождать, преобразовывать самое эту материю, выявляя ее внутреннюю световую природу» (*Мяло К. Г.* Указ. соч. С. 244).

А. Платонов

«NOSTES PETROPOLITANAE». Л. КАРСАВИН. ПЕТЕРБУРГ, 1922 г.[1]

– По-русски это значит «Петербургские ночи». Книга написана, как говорится в предисловии, только для просвященных и действительно просвященных людей[2]. Там же говорится, что «единственно оправдывающим издателя обстоятельством может служить только его искреннее желание сохранить для потомства поучительный образец современных антинаучных построений и безответственных мистических исканий».

Содержание книги, по автору, метафизика любви. Автор, кажется, профессор и, как показывает книга, физически совершенно бесчувственный человек. Для него любовь существует как Любовь, т. е. самостоятельное отвлеченное существо, а не составляет с любимой единого, – как есть в жизни[3]. Любовь – это Вера, Александра,

---

[1] Выражаю признательность И. В. Котрелеву за помощь в разыскании публикуемого материала.

[2] Орфография Платонова, преизбыточествующая искажениями, вместе с тем неисчерпаемый источник примеров того, как он своим художническим чутьем выходит сразу к «неточным» корнесловиям языка. Пишет – «просвященные», но имеет-то в виду «просвещенных» (просвещенных читателей, искушенных в труде чтения, к которым обращается и анонимный издатель в предисловии к «Noctes»). И оказывается прав. См.: *Топоров В. Н.* Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 184–252.

[3] Платонов слишком сердит на неизвестного ему автора книги, чтобы оставаться внимательным ее читателем и сохранить достаточную меру трезвости для адекватного выражения своих упреков. В том виде, как он их формулирует, их нельзя признать справедливыми. Ср.: «Метафизическая мысль Л. П. Карсавина имеет корень не в абстракциях, а в живой и конкретной любви – чистой, ясной, прекрасной и вместе с тем – мучительной, не осуществившейся, неизменной до порога старости. В письме к Е. Ч. Скржинской (от 1 января 1948 г.) он пишет: «Именно Вы связали во мне метафизику с моей биографией и жизнью вообще», – и далее по поводу «Поэмы о смерти»: «Для меня эта маленькая книжонка – самое полное выражение моей метафизики, которая совпала с моей жизнью, совпавши с

Варвара, Мария, или – Петр, Семен, Владимир, Епифан, но не третье, самостоятельно живущее, хотя и дышащее в двух полюбивших, существо – любовь. Любовь не трое (триединство: Любящий, любящая, Сама Любовь), а – ни одного. Любивший это видел сам[1].

Л. Карсавин не имеет ни сердца, ни семени – и ненавидит их. Для него никогда не было любимой, девушки Маши. А если бы это и случилось, он сейчас же сделал бы все это мировым явлением, оправдал бы Христом, девой Марией, создал бы вокруг живого и теплого чувства мир червивых профессорских понятий – и истребил бы любовь к себе. Вот он что говорит: «Ты ушла. Но люблю тебя я, Любовь. Люблю тобою, Любовью! Ты – любимая моя, ты – я сам, ты – двуединство наше; целостно-вечная, бессмертно-живая, всесовершенная!» Хорошо! Дальше. «Бог становится Богом личным, лучше сказать, – сверхличным в троичном самостяжении своем. Он

моей любовью» (*Ванеев А. А.* Очерк жизни и идей Л. II. Карсавина // А. А. Ванеев. Два года в Абези: В память о Л. П. Карсавине. Брюссель, 1990. С. 345). Впрочем, и сам Карсавин в упомянутой «Поэме о смерти», которая тематически продолжает «Noctes», невысоко оценивает свою книгу: «Милая и сострадательная читательница, напечатал я в 1922 г. книгу о любви, довольно-таки безвкусную, но небезынтересную. Сам верил, что открываю новые горизонты и вступаю в новый мир, или почти верил: хотел верить. Критики не без остроумия назвали меня тогда "ученым эротоманом", один же психиатр (по-видимому, вполне справедливо) заметил, что книжка хотя и о любви, а насквозь "головная"» (*Карсавин Л. П.* Поэма о смерти // Eranus, vol. sec. Каунас, 1931. С. 233–234).

[1] «Любивший это видел сам». Удивительное наблюдение, пробившееся платоновской оговоркой. Так что же видел Платонов? – «ни одного». Но как можно видеть «ни одного» – иными словами, того, что (кто) вне счета и времени, задающих условия наблюдения? Что это: ляпсус, обычный для малограмотного человека или свидетельство пережитого свидания с «Неисчислимым», слияния – с кем? Этого Платонов не ведает, он лишь «видел» это сам. В дальнейшем под сомнение ставится и это утверждение – с появлением «евнуха души», нового наблюдателя и летописца обрушивающейся души. В этой связи выдвигается, как весьма вероятная, гипотеза, что «во время создания "Ювенильного моря", "Котлована" и "Чевенгура" Платонов биографически переживает нечто подобное шизофреническому коллапсу. "Мертвый брат", "евнух души", "полночный сторож" – о чем говорят все эти имена, которыми называет Платонов этого странного и маленького гомункулуса, живущего в каждом из его персонажей? Можно ответить одним словом: они говорят нам о невоплощенности» (*Подорога В.* Евнух души. Позиции чтения и мир Андрея Платонова // Сознание в социокультурном измерении. М., 1990. С. 81).